

УДК 393.05
DOI 10.17223/19988613/43/28

Ю.И. Ожередов

РИТУАЛЬНОЕ ВТЫКАНИЕ ОРУЖИЯ У СЕЛЬКУПОВ И ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

В настоящей работе рассмотрен редкий, но эффектный ритуал, следы которого выявлены в ходе исследований погребально-поминальной обрядности локально-диалектной группы нарымских селькупов «шиешгула». В ходе стационарных исследований в двух комплексах обнаружены воткнутые в дно могилы и в ритуальный столб наконечники стрел, оставленные в результате выстреливания из лука с целью магического отвращения «злых сил», персонифицированных душами умерших. Изучение обрядовой практики народов Евразии от древности до этнографического времени выявило истоки данного обряда в III тыс. до н.э. Память о данном способе отвращения потусторонних сил зафиксирована в ведийских текстах II тыс. до н.э., оставленной культурой ариев, оказавшей заметное влияние на мировоззрение народов Сибири.

Ключевые слова: Приобье; селькупы «шиешгула»; ритуальные стрелы.

Междисциплинарное изучение погребальной и поминальной обрядности селькупов приобско-нарымской локально-диалектной группы «шиешгула» показало заметное многообразие ритуальных форм, материализованных в конструкциях и предметах церемоний [1, 2]. Исследование ритуалов через их материальные остатки на сегодняшний день стало первостепенной задачей, решаемой путем семиотического анализа находок в контексте их обрядового предназначения.

В настоящей работе предпринято исследование ритуальной роли двух наконечников стрел из захоронений Кустовского курганного могильника с левого бережья Нарымского Приобья.

В одноактном кургане № 16, у нижней челюсти кремнированного на месте захоронения подростка был найден образец наконечника из тонкой пластины медного сплава. Радиоуглеродная дата древесных углей определила сооружение кургана в пределах 1430–1640 гг. (скорее ближе к конечной, нежели к начальной дате). На наконечнике сохранился фрагмент древка, обмотанного суровой нитью, убеждающий в том, что найдены остатки полной стрелы. Подобные наконечники известны в ряде хантыйских и в трех селькупских памятниках II тыс. По данным А. Каннисто, стрела с медным наконечником хранилась в колчане каждого охотника в качестве апотропея на случай внезапной встречи с «лесным духом» [3. С. 158]. Медные наконечники стрел и медные ружейные пули высоко ценились, так как медь, по традиционным воззрениям, – металл, обладающий магической способностью поражать нечистую силу. Однако и другие острые предметы, в том числе стрелы из любого другого материала, также были страшны для злых духов [4. С. 101].

Особенность кустовской находки заключается в том, что она обнаружена не в колчанном наборе, а отдельно, в воткнутом положении, в контексте активного участия в погребальном ритуале. Пластина волнообразно деформирована в поперечном сечении, что указывает на мощный толчок в продольном направлении, который мог появиться при резком ударе наконечника

о препятствии [Там же. С. 84. Рис. 1, 8; 5. С. 76. Рис. 3, 8; 6. С. 161]. Вероятной причиной имеющейся деформации наконечника стало следствие выстрела в дощатое днище погребения.

Наконечник из кости найден на стволе поминального столба, рухнувшего на вершине кургана № 5 в конце XVI–XVII вв. Артефакт лежал на поверхности несколько выше середины длины столба. Анализ обстоятельств находки дает основания предполагать, что наконечник некогда вонзился в столб будучи насаженным на стрелу. И хотя следов насады на древко в этом случае не сохранилось, предположение подтверждается необычностью появления наконечника на поверхности столба. Версия о том, что его положили на столб после обрушения последнего, не выдерживает критики, так как в незакрепленном состоянии он бы самостоятельно не удержался на овальной поверхности, пока столб целиком не ушел в насыпь. Следовательно, изначально он был воткнут, а в дальнейшем, под действием естественного разрушения дерева, в котором находился, и тяжести земли, постепенно принял горизонтальное положение.

Наиболее ранний (II тыс. до н.э.) опыт ритуального втыкания оружия (и орудий) в погребальном и поминальном обрядах Сибири зафиксирован В.И. Матющенко в Ростовкинском могильнике. В 5 захоронениях (5, 8, 24, 30, 33) из 37 расчищенных было обнаружено по одному или несколько жертвенных копий, кельтов и ножей, воткнутых в ходе поминок в материк или в погребенную почву. В дно погребения № 2, где далее оказалась голова умершего подростка 9–10 лет, вонзили бронзовый нож со скульптурной группой из лыжника, прикрепленного поводом к коню [7. С. 8, 64, 66 и др.]. Аналогичный обычай втыкания оружия отмечен на культурно родственном Турбинском могильнике и в ряде погребений географически далекой от турбиносейминского круга памятников глазковской культуры [8. С. 178; 9. С. 148].

Ритуал с вонзенным оружием продолжил свое бытование в I тыс. до н.э. В частности, в пазырыкском

кургане № 1 памятника Ак-Алаха-3 вытаял воткнутый кинжал [10. Рис. 17]. По результатам исследований В.В. Горбунова стало известно, что в кулайском могильнике Обские Плеса II, в захоронении собаки «были вертикально воткнуты два костяных наконечника» [11. С. 157].

Сибирские примеры как нельзя точно вписываются в общевразийскую канву поминальных ритуалов. Точно так же поступали в III тыс. до н.э. при захоронении царей Древнего Ура в Месопотамии, где в усыпальнице Мес-калам-дуга был составлен целый ряд из воткнутых медных копий [12. С. 181]. В культурах других периодов случаи втыкания оружия отмечены в могилах Танаиса, в скифских курганах [13. С. 115–116], в погребениях Дванского могильника в Грузии [14. С. 229].

В таежной зоне Западной Сибири традиция втыкания продолжается в памятниках II тыс. вплоть до этнографической поры. Такие факты отмечены В.И. Семёновой на поздних средневековых могильниках Юганского Приобья [15. С. 184], а антропологом В.А. Дремовым «стоящие» ножи и топор встречены в могилах XIX в. Усть-Балыкского хантыйского кладбища в Сургутском Приобье [16. С. 318, 322].

Семантика данного ритуала до сих пор не находит в археологической литературе однозначного толкования. В.И. Матющенко по случаю своей оригинальной находки не нашел нужным высказывать какие-либо гипотезы в литературной или другой документированной форме. При описании погребального и поминального ритуалов он ограничился лишь несколькими очень важными наблюдениями: «...территория могильника посещалась близкими, оставлявшими у могил определенные приношения. В тех случаях, когда у могилы оставлены бронзовые орудия и оружие, они оказывались воткнутыми в землю, а не просто положены» [7. С. 64]. Относительно ножа, находившегося в погребении 2, автор раскопок заметил: «Так, в могиле 2 под черепом обнаружен нож со скульптурной группой. Нож был воткнут в дно могилы вниз острием, после чего уложен прах умершего» [Там же. С. 66].

Трактовку данного ритуала находим в целом ряде публикаций. Академик В.В. Бартольд рассматривал этот ритуал как средство предохранения могил от осквернения людьми [17. С. 60], а О.В. Обельченко считает, что опасность для умерших исходит не от людей, а от злых духов [18. С. 176]. Не совсем определенная по смыслу трактовка семантики данного ритуала проходит через ряд работ М.Ф. Косарева. Со ссылкой на обско-угорские и обско-самодийские традиции, коми-пермяцкие представления о нижнем мире, строках из карело-финской «Калевалы» и русском эпосе автор объясняет этот ритуал «как одну из поздних вариаций зарывания» или в другом случае – «как разновидность зарывания». При этом наиболее эффективно втыкание предметов и людей (вбивание Ивана-богатыря в землю) происходит в «нечистых» местах, к которым в полной

мере относятся кладбища, близко подступающие к потустороннему миру [8. С. 178; 9. С. 148]. Следовательно, любое втыкание – это стремление погрузить (отправить) в иной, загробный мир или умертвить. В отличие от других авторов, В.И. Семёнова считает, что «Наконечники стрел и ножи, воткнутые вертикально около могильных ям, связаны с ритуалами поминок и воздания воинских почестей» [15. С. 184].

Многогранное толкование содержится в работах Л.Н. Ермоленко, избравшей в качестве источника мифологию южно-сибирских и центрально-азиатских (тюркских) народов. Основываясь на сюжетах из эпических текстов, автор предлагает несколько вариантов ответа на данный вопрос: 1) «действия богатырей (втыкание оружия в землю. – Ю.О.) могут быть трактованы как ритуал жертвоприношения, где жертвой являются убитые враги»; 2) «...втыкание в землю есть чудодейственный акт»; 3) «... символизирует убийство врага»; 4) «... акт дарения-адорации»; 5) «... в некоторых случаях втыкание оружия есть жест миролюбия»; 6) «... действия с оружием следует рассматривать как ритуальные, проделав их, Бора успешно охотится» [19. С. 196–198].

Автором представлен диапазон трактовок от крайних полюсных (символ убийства – символ миролюбия) до акта «жертвоприношения» и общих нейтральных (чудодейственный акт, ритуальное действие). Не касаясь последних, не требующих комментариев, скажем несколько слов о других вариантах (за исключением самого последнего примера). С точки зрения сибирской этнографии, трикстер Бора смог успешно охотиться лишь после ритуального приношения местным духам зверей, охоты и т.п. Следовательно, его действие относится к жертвоприношениям, о которых говорит автор в первом пункте и в случае с дарением-адорацией (приношения богам). Независимыми от других остаются варианты символизации смерти врага и акта миролюбия. Вероятно, они могут быть объединены в контексте зарывания в землю в интерпретации М.Ф. Косарева.

В одном случае это отправление в потусторонний мир (смерть биологическая) как прекращение жизни, в другом – отправление в потусторонний мир (зарыть оружие войны), как прекращение действия (смерть функциональная). Последнее напоминает символическое отправление в землю томагавка у индейцев Северной Америки, означающее завершение военного конфликта. Назовем условно оба эти направления магической ликвидацией опасности. Кроме этого, остается еще один ритуальный вектор, направленный на жертвоприношение потусторонним персонажам, влияющим на реальную жизнь. После группировки ритуальных действий и смыслов ритуалы объединились в две группы: ориентированные на ликвидацию врагов и на умиловление духов. Если со вторым вполне все понятно, то первые пребывают в области мифопоэтического иносказания, скрывающего духовную состав-

ляющую героев. Нанести окончательное поражение противнику в бою означало уничтожить его душу. Именно это становилось главным мотивом сдирания скальпов или рубке голов поверженных врагов и использовании их черепов в виде драгоценных магических трофеев. В традиционном представлении именно голова является хранилищем души, передающейся по наследству. Поэтому утративший ее человек теряет жизнь окончательно и бесповоротно [8. С. 165, 171].

Новый круг трактовок и смыслов, а также уточнение их векторов магического воздействия открывают этнографические источники северо-сибирских народов. Ярким образцом, разъясняющим суть ритуала втыкания, явился обычай хантов, названный «втыкание ножей вокруг себя на поминках, против душ мертвых» [20. С. 147]. Говорящее за себя название ритуала дает, на мой взгляд, исчерпывающую интерпретацию ритуала втыкания, обладающую универсальным межэтническим свойством, одинаково распространяющимся на северные и южные народы, при том, что форма ритуала может отличаться, сохраняя при этом его суть. Так, например, для изгнания духа умершего шорцы после похорон пускали стрелы в углы жилища [21. С. 205], а буряты для защиты жениха и его дома от чужеродной женщины (ее духов) перед приходом невесты вонзали стрелу или нож в столб внутри юрты [22. С. 281–282].

Помимо случаев втыкания оружия в погребальных ритуалах археология дает примеры аналогичных процедур на святилищах. На святилище Усть-Полуй в Западной Сибири найдены воткнутые в землю наконечники из бронзы и кости [23. С. 18, 20, 23, 26, 27], а в европейской зоне в комплексе германского святилища

В в. на Нидамском болоте изучена символическая изгородь, выстроенная из тридцати мечей и одного копья [24. С. 143]. Этнографическое тому свидетельство находим на мансийском святилище Чохрынь-ойки, где ножи обязательно втыкали в дерево или землю [15. С. 184].

По данным этнографии, у сибирских охотников из разных этнических групп дожил вплоть до Нового времени обычай принесения жертвенных стрел на святилища местных божеств путем стрельбы по священным деревьям [25. С. 444]. В контексте данного сообщения становится вполне объяснимым наличие костяного наконечника на жертвенном столбе-дереве из Кустовского могильника. Стрела, принеся данный наконечник, могла играть двоякую роль: жертвенного приклада и одновременно апотропея, отвращающего души умерших от живых людей, удерживающего их возле могил на родовом кладбище.

В свете приведенных примеров втыкание оружия в похоронных обрядах представляется фактическим или имитационным выстрелом из лука, броском копья, ударом ножа или топора на поражение духов умерших. Уже ведийские народы верили, что духа можно пронзить стрелой [26. С. 77]. Со временем представления скотоводов органично влились в мировоззрение народов тайги [27, 28]. Даже при затмении луны ханты считали нужным вонзить против «злых сил» два ножа и стрелу [29. С. 184].

Ритуалы с оружием, направленным на борьбу с ирреальными силами и поиск способов умилостивить добрых духов-покровителей, в конце концов идейно сблизили обитателей большей части Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожередов Ю.И. К проблеме разнообразия в погребальном обряде южной группы палеоселькупов «шиешгула» // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции / отв. ред. М.П. Чёрная. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 168–172.
2. Ожередов Ю.И. Некоторые особенности погребального обряда позднесредневековых селькупов Нарымского Приобья // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 79–86.
3. Каннисто А. Материалы к мифологии вогулов / пер. Р.А. Моссиенко. Новосибирск, 1988.
4. Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 310 с.
5. Ожередов Ю.И. Локально-диалектная группа «шиешгула»: идейный контекст археологических источников (XVI–XVII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 359 с.
6. Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Ярзуткина А.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыт прочтения). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2013. 264 с.
7. Матюшенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
8. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 302 с.
9. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М. : Ладога-100, 2003. 352 с.
10. Полосымак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
11. Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.
12. Церен Э. Библиейские холмы. М. : Правда, 1986. 480 с.
13. Спицин А.А. Курганы скифов-пахарей // Известия Археологической комиссии. Пг., 1918. Вып. 65. С. 56–84.
14. Макалатия С.И. Раскопки Дванского могильника // Советская археология. М. ; Л., 1949. Вып. XI.
15. Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
16. Рындина О.М., Ожередов Ю.И., Боброва А.И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 412 с.
17. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг., 1921. Т. 25. С. 55–76.
18. Обельченко О.В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М. : Наука, 1992. 256 с.
19. Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 288 с.
20. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
21. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.

22. Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг., 1921. Т. 25. С. 273–292.
23. Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард : ГУ ЯНАО «Северное издательство», 2012. 59 с.
24. Шнеевайс Й. Магические и культовые действия древних германцев (V в. до н.э.– V в. н.э.) // «Научный центр изучения Арктики». Археология Арктики / отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург : Деловая пресса, 2012. С. 137–145.
25. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 592 с.
26. Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М. : Вост. лит., 1999. 240 с.
27. Ожередов Ю.И. «Ведийские ритуалы» у народов Северо-Западной Сибири: погребальная посуда // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Вып. 2. С. 120–132.
28. Ожередов Ю.И. «Ведийские» ритуалы у народов Западной Сибири // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е.Е. Кузьминой / отв. ред. В.И. Молодин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 505–511.
29. Материалы по фольклору хантов / ред. М.И. Сваровская. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 216 с.

Ozheredov Yuri I. Tomsk City Museum (Tomsk, Russia). E-mail: nohoister@gmail.com

WEAPON IN THE RITUALS OF THE SELKUPS AND ANCIENT TRADITIONS OF EURASIA.

Keywords: The Ob river; the Selkups; Shieshgula; ritual arrows.

The diversity of burial traditions followed by the Narym Selkups and one of their dialect groups Shieshgula represents an interesting area for research. The remains of the burial constructions and ritual artifacts allow us to piece together their functions and the manner they were employed. It thus gives us a wider perspective on the worldview shared by the traditional population of Siberia and the neighboring territories. It is hoped that this article explains a specific burial tradition of sticking different types of weapon in the ground of the burial site as well as in the burial constructions. The interest to this topic was sparked by the examination of the burial complex in Kustovo where a copper and an ivory arrow tips were found stuck in the ground and in the burial pole. Multiple written materials from the 19th to the early 21st century provide many examples of this tradition carried out on the vast territories of Eurasia. For instance, at Mesopotamian necropolises sticking ritual copper spears was practiced from the 3d millennium BC. In Siberia similar rituals with spears, knives and other weapons took place later in the 2d millennium BC. Deciphering the meaning of these rituals and establishing their geographical boundaries became the main goal of this study. Important information about the semantics of the ritual is provided by the ethnographic materials related to the Khanty and Mansi people. They always carried out such rituals at the cemeteries and sanctuaries devoted to the local deities. According to the written materials from the 19th century, the Khanty and Mansi hunters who went to the forest often took arrows with copper tips. Copper was believed to be an honorable metal that could fight demons. At the same time evil spirits were afraid of any sharp objects, such as the arrows. Any finds of the weapon stuck at the burial place signifies a performance of the purging rituals, that meant to clean the place from the evil spirits. The Khanty gathered at the burial places from time to time for mourning and performing a ritual of sticking knives around themselves, against the souls of the deceased. This helped to protect their houses from the visits of the spirits. Similar rituals took place at Khanty funerals. In their views, if a weapon pierced a grave, the spirit of the deceased could never escape. At some sanctuaries the arrows would be shot at the trees as a form of sacrifices for local “hosts” of the forest, rivers, lakes, valleys and etc. The semantics of the burial poles is closely connected to the trees. Therefore the arrows found at Kustovo burial site served two purposes, that are the protection from the spirits and offering a sacrifice for a local deity.

REFERENCES

1. Ozheredov, Yu.I. (2008) K probleme raznoobraziya v pogrebal'nom obryade yuzhnoy gruppy paleosel'kupov “shieshgula” [On the diversity in the funeral ceremony of the “Shieshgula” southern Paleoselkups]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnykh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and cross-border regions: Problems of interpretation and reconstruction]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 168–172.
2. Ozheredov, Yu.I. (2009) Nekotorye osobennosti pogrebal'nogo obryada pozdnesrednevekovykh sel'kupov Narymskogo Priob'ya [Some features of the burial rite of late medieval Selkups on the Narym Ob]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik-1: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian collection-1: Burial rites in Siberia and cross-border regions]. Book 2. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 79–86.
3. Kannisto, A. (1988) *Materialy k mifologii vogulov* [On the mythology of Voguls]. Translated from Finnish by R.A. Mossienko. Novosibirsk: State Public Research Library.
4. Ozheredov, Yu.I. (1999) Sakral'nye strely yuzhnykh sel'kupov [Sacred arrows of southern Selkups]. In: Chernyak, I. (ed.) *Priob'e glazami arkheologov i etnografov* [The Ob region viewed by archaeologists and ethnographers]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Ozheredov, Yu.I. (2006) *Lokal'no-dialektnaya gruppy “shieshgula”: ideyny kontekst arkheologicheskikh istochnikov (XVI–XVII vv.)* [The local dialect group “shieshgula”: The ideological context of archaeological sources (the 16th – 17th centuries)]. History Cand. Diss. Barnaul.
6. Koroussenko, M.A., Ozheredov, Yu.I. & Yartzutkina, A.A. (2013) *Mifologiya sibirskikh tatar v simbolakh obrazov i veshchey (opyt prochteniya)* [Mythology of the Siberian Tatars in the symbols and images of things (an interpretation)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
7. Matyushchenko, V.I. & Sinitsyna, G.V. (1998) *Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska* [The burials of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kosarev, M.F. (1991) *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnyaya sreda* [The ancient history of Western Siberia: Man and the environment]. Moscow: Nauka.
9. Kosarev, M.F. (2003) *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam* [The pagan worldview: A case study of Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga-100.
10. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The Ukok Riders]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
11. Gorbunov, V.V. (1996) Ritual'nye zakhroneniya zhivotnykh kulayskoy kul'tury [Ritual burials of animals in the Kulai Culture]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Pogrebal'nyy obryad drevnykh plemen Altaya* [The funeral rite of the Altai ancient tribes]. Barnaul: Altai State University. pp. 156–166.
12. Tseren, E. (1986) *Bibleyskie kholmy* [The Biblical hills]. Moscow: Pravda.
13. Spitsin, A.A. (1918) Kurgany skifov - pakharey [Mounds of the Scythian ploughers]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii*. 65. pp. 56–84.
14. Makalatiya, S.I. (1949) Raskopki Dvanskogo mogil'nika [Excavations of the Dvansky burial]. *Sovetskaya arkheologiya*. 11.
15. Semenova, V.I. (2001) *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya* [Medieval burials on the Ob near Yugansk]. Novosibirsk: Nauka.
16. Ryndina, O.M., Ozheredov, Yu.I. & Bobrova, A.I. (2008) *Khanty Salymkogo kraya: kul'tura v arkheologo-etnograficheskoy retrospektive* [The Salym Khanty: Culture in terms of archaeology and ethnography]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Bartold, V.V. (1921) K voprosu o pogrebal'nykh obryadakh turkov i mongolov [On the funeral rites of the Turks and Mongols]. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 25. pp. 55–76.

18. Obelchenko, O.V. (1992) *Kul'tura antichnogo Sogda. Po arkhologicheskim dannym VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [The culture of ancient Sogd. According to archeological data of the 7th century BC – 7th century]. Moscow: Nauka.
19. Ermolenko, L.N. (2008) *Izobrazitel'nye pamyatniki i epicheskaya traditsiya po materialam kul'tury drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Evrazii* [Art monuments and epic tradition based on the culture of ancient and medieval Eurasian nomads]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
20. Kulemzin, V.M. (1984) *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and Nature in the Khanty beliefs]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [The origin of the Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Veselovskiy, N.I. (1921) Rol' strely v obryadakh i ee simbolicheskoe znachenie [The arrow in the rites and its symbolic value]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkhologicheskogo obshchestva*. 25. pp. 273-292.
23. Gusev, A.V. & Fedorova, N.V. (2012) *Drevnee svyatilishche Ust'-Polui: konstruktii, deystviya, artefakty. Itogi issledovaniy planigrafii i stratigrafii pamyatnika: 1935–2012 gg.* [The ancient sanctuary of Ust-Polui: Design, actions, artifacts. The results of the research planigraphy and stratigraphy of the monument: 1935–2012]. Salekhard: Severnoe izdatel'stvo.
24. Shneevayss, Y. (2012) Magicheskie i kul'tovye deystviya drevnikh germantsev (V v.do n.e.– V v.n.e.) [Magical and religious activities of the ancient Germans (the 5th century BC – 5th AD)]. In: Fedorova, N.V. (ed.) *Nauchnyy tsentr izucheniya Arktiki. Arkheologiya Arktiki* [The Arctic Research Centre. Archaeology of the Arctic]. Ekaterinburg : Delovaya pressa. pp. 137-145.
25. Sternberg, L.Ya. (2012) *Pervobytnaya religiya v svete etnografii: Issledovaniya, stat'i, lektzii* [Primitive religion in the light of ethnography: studies, articles, lectures]. Moscow: LIBROKOM.
26. Elizarenkova, T.Ya. (1999) *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and things in the Rig Veda]. Moscow: Vostochnaya literatura.
27. Ozheredov, Yu.I. (2013) “The Vedic rituals” with peoples of West Siberia: posthumous dishes. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2. pp. 120-132. (In Russian).
28. Ozheredov, Yu.I. (2014) “Vedyskie” rituality u narodov Zapadnoy Sibiri [“Vedic” rituals of the peoples of Western Siberia]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arii stepy Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh* [The Arians in Eurasian steppes: the Bronze Age and Early Iron Age in the Eurasian steppes and cross-border regions]. Barnaul: Altai State University. pp. 505–511.
29. Svarovskaya, M.I. (ed.) (1978) *Materialy po fol'kloru khantov* [Materials on the Khanty folklore]. Tomsk: Tomsk State University.